

— Дринь...

Системный сигнал прозвучал непривычно долго, казалось, будто его сжало и исказило в водовороте потока времени.

Когда Хао Су открыл глаза, он оказался внутри какого-то двора. Здание выглядело совершенно новым, да и окружающие удобства почти не отличались от прошлого мира. Это был мир, очень похожий на обычный, но по неизвестной причине претерпевший некие изменения, из-за которых у крайне малого числа людей пробудились особые способности. Поскольку эти способности никак не влияли на повседневную жизнь и даже казались несколько бесполезными, за исключением всплеска обсуждений в новостях в самом начале, по мере того как пробуждавшихся становилось всё больше, это перестало быть в новинку.

Оригинальный владелец тела был самым обычным врачом и никаких личных способностей не пробуждал. Место, где Хао Су находился сейчас, не было ни больницей, ни его собственным домом — это был «личный домен» другого человека.

Если попытаться составить рейтинг способностей, пробуждаемых массами, то личный домен, без сомнения, займет первое место. Как следует из названия, это некое пространство, разворачиваемое индивидуумом. Всё внутри личного домена подчиняется воле его хозяина: чем сильнее способности хозяина, тем шире радиус домена и тем реалистичнее проецируемая сцена. Что бы вы ни увидели внутри — каждую травинку, каждое дерево, каждый кирпичик, каждую черепицу и даже людей — всё это не настоящее. Например, если вы вообразите, что сейчас находитесь в библиотеке, личный домен превратится в библиотеку.

Поскольку всё создается на основе изначальных фантазий хозяина, интеллект находящихся внутри людей не может превышать интеллект самого владельца, они не способны дать хозяину какие-либо дополнительные ценные знания и тем более не могут повлиять на вещи или людей за пределами домена. При этом течение времени внутри личного домена примерно такое же, как снаружи, так что использовать его для создания временной разницы, разумеется, нельзя.

В нормальных условиях посторонние не могут ни увидеть чужой личный домен, ни проникнуть в него. Это всё равно что попытаться забраться кому-то в голову и читать его фантазии — звучит несколько нереалистично.

Только вот...

— Текущая передача данных вызвала магнитный резонанс с личным доменом. Хозяину необходимо самостоятельно разобраться в правилах, как можно раньше покинуть личный домен, вернуться в правильную временную точку и завершить задание.

Точка, в которую система перенесла Хао Су, случайно совпала с моментом развертывания личного домена неким человеком. Из-за двухстороннего резонанса он и провалился в чужое пространство. Судя по словам системы, в данный момент Хао Су вовсе не находился в той временной точке, куда его изначально отправляли. Непонятно, занесло ли его в прошлое или в будущее.

— Как тебя зовут?

Прохладный голос юноши раздался со спины. Не успел Хао Су повернуться, как услышал очередное напоминание системы.

— Дринь... Целевой объект появился, пожалуйста, воспользуйтесь возможностью.

Целевой объект — иными словами, хозяин личного домена, в котором находился Хао Су.

Он обернулся, и его взору предстал знакомый человек. Юноша был одет в светлый шерстяной свитер, волосы слегка вились, веки одинарные, а на красивом лице застыло выражение надменной холодности. Однако в этот момент его глаза были немного широко раскрыты, и в них пряталось едва заметное напряжение вперемешку со смущением.

В прошлом мире Хао Су сопровождал Фань Цина от старшей школы до университета, наблюдая за его взрослением. Каждый этап его жизни был до боли знаком Хао Су. Судя по нынешнему виду, Фань Цин, должно быть, только поступил в университет.

Что же до слов системы о выполнении задания по романтическим отношениям с целевым объектом девяносто девять раз, Хао Су уже спрашивал её раньше — действительно ли ему придется пройти через девяносто девять миров и являются ли эти целевые объекты одним и тем же человеком или разными. Система тогда дала не самый четкий ответ.

Но теперь первый вопрос оставался под вопросом, зато на второй нашелся ответ. Независимо от того, был ли это прошлый мир или нынешний, его целью всегда оставался один и тот же человек — Фань Цин.

Что касалось остальных вопросов, например, стандартов системы для оценки успешного выполнения задания, здесь тоже не было никакой конкретики.

Эту задачу хозяин должен исследовать самостоятельно.

Хао Су вспомнил, что после завершения прошлого мира система также выставила числовой балл, основываясь на его поведении в том пространстве. Похоже, этот балл использовался лишь для внутренних расчетов и проверок системы и не имел для самого носителя никакой практической пользы. Он не стал уделять этому особого внимания, но в памяти всё же кое-что отложилось.

Едва заметная красноватая цифра «2».

Хао Су внезапно обратился к системе:

— Каким был изначальный сюжет у Фань Цина в прошлом мире?

Если бы его не перенесли в прошлый мир, то каков был бы конец Фань Цина по изначальному сценарию?

Мужчина стоял внутри личного домена, его холодные черты лица наполовину скрывали очки в тонкой оправе, оставляя лишь струящуюся мягкость. Его взгляд упал на Фань Цина, окинув того с ног до головы. Спустя мгновение он заметил изменения в парне: Фань Цин казался куда более живым, чем в прошлом мире. Пусть на лице и застыл холод, малейшие перемены в его мимике всё равно проявлялись предельно чётко.

Он ждал ответа, поэтому молчал, но пальцы рук, опущенных вдоль бёдер, нервно теребили подушечки больших пальцев.

Это была привычная для Фань Цина привычка: всякий раз, когда он испытывал слишком сильное волнение или эмоциональное потрясение, он принимался вот так мять подушечки собственных пальцев. Хао Су помнил один случай, когда Фань Цин собирался выйти на балкон, но от избытка смущения — даже несмотря на то, что вокруг никого не было — продолжал теребить пальцы. В конце концов он поцеловал его руки, прижал к себе и довёл до состояния долгого беспамятства. Ему даже не потребовалось уговаривать парня — те две руки безвольно повисли, а пальцы стали мягкими и послушными.

— В прошлом мире, после того как оригинальный владелец перевелся в другую школу, Вань Цзун втерся к Фань Цину в доверие, потому что они некоторое время общались довольно близко, — система обмолвилась лишь этой фразой, но, зная характер Вань Цзуна, нетрудно было представить, что именно он мог сотворить с Фань Цином.

Возможно, поступил бы так же, как говорил Хао Су ранее — обнародовал бы поступки Фань Цина, чтобы покрыть его позором и разрушить репутацию, либо придумал бы месть ещё более жестокую.

— Любил ли оригинальный владелец Фань Цина? Прежний хозяин тела со всеми вёл себя одинаково. Его развязность была свойственна тем, кого избаловали с самого детства. Он знал, что всё это по праву принадлежит ему, а раз так — просто брал то, что хотел. Его происхождение избавляло его от необходимости за что-то бороться. Если кто-то казался ему симпатичным, он позволял этому человеку находиться рядом, как, например, Вань Цзун. Все его поступки проистекали из его собственной натуры, он вовсе не собирался оказывать кому-то особую заботу. В таких условиях, даже если Вань Цзун замышлял что-то против Фань Цина, до тех пор, пока это не происходило у него на глазах, прежнего хозяина совершенно не волновало происходящее. В каком-то смысле по своей холодности он ничем не отличался от Хао Су.

Услышав слова системы, Хао Су не стал докапываться до сути — казалось, этот вопрос возник у него лишь из чистого любопытства, вызванного новой встречей с Фань Цзином.

— Хао Су, — ответил он на вопрос Фань Цина. — А ты?

— Разве ты не знаешь, как меня зовут?

В Личном домене все воображаемые люди и предметы полностью принадлежали хозяину. До определенной степени их мысли являлись мыслями самого владельца, а значит, они по определению должны были знать его личность.

Задавая этот вопрос, Фань Цин почувствовал пристальный взгляд Хао Су, и напускная холодность мгновенно слетела с его лица, а кожу залил яркий румянец.

— С какой стати мне знать твоё имя? — Хао Су улыбнулся, и его взгляд стал ещё более проницательным, словно он заглядывал не просто в глаза Фань Цин, а прямо ему в душу.

Он воспринимал его лишь как порождение собственной фантазии в Личном домене, но кем именно он его считал?

Хао Су сделал шаг вперёд, мгновенно сократив расстояние между ними. В отличие от юношеской угловатости собеседника, мужчина был одет в безупречный строгий костюм, его волосы аккуратно зачесаны волосок к волоску, а на переносице красовались очки в тонкой оправе, заставляющие невольно сосредоточиться на его персиковых глазах. Во всём его облике сквозило абсолютное благородство и безошибочно угадываемая деловая хватка истинного профессионала.

Хао Су был заметно выше Фань Цина. Когда дистанция сократилась, юноше пришлось чуть приподнять голову. Мужчина во всех отношениях был безупречен, и даже его голос звучал невероятно приятно.

В сознании Фань Цина возникло странное, почти болезненное раздвоение. С одной стороны, он заранее уверился в том, что Хао Су — всего лишь фальшивая проекция в Личном домене. Тот по идее должен был знать его статус и подчиняться законам его разума, однако происходило обратное: мужчина вёл себя независимо, словно вдруг обрёл плоть, кровь и собственную волю.

Но с другой стороны, Фань Цин чувствовал, что всем этим процессом управляют его собственные тайные желания. Это он заставил Хао Су задать этот вопрос, это он заставил его принять такой вид.

Когда Хао Су наклонился так низко, что казалось, будто он сейчас поцелует его, накатившая волна стыда полностью лишила Фань Цина самообладания, и он резко выбросило из Личного домена.

— Всё такой же трусишка, — тихо произнёс Хао Су, оглядывая пустой мир.

Всё вокруг рассыпалось на части из-за ухода хозяина, и осталась лишь первозданная белизна.

Вне Личного домена, в самом тихом углу библиотеки, сидел человек в тёмной одежде. Он опустил голову, и длинные мягкие пряди скрывали его яркие черты лица. В его молчании разливалась едва уловимая, тягучая тоска. На столе лежала книга, раскрытая на двадцать восьмой странице. Шрифт был очень мелким. У Ай Ли было много воображаемых друзей, с которыми ей нравилось весело играть в своем личном домене. Конечно, больше всего ей нравилось в личном домене мечтать о своем будущем спутнике жизни: каким же он будет? Крепкое тело, необыкновенно красивое лицо, а каждое движение пропитано джентльменской нежностью. Когда он замечает, что ты смотришь на него, он виновато улыбается и говорит своим чарующим голосом: Прости, просто ты меня ужасно очаровала.

С пробуждением у масс особых способностей романы на эту тему стали появляться один за другим. Эта книга как раз повествовала о личном домене. В ней было не так уж много любовных линий, и данный отрывок описывал лишь юные годы главного героя. Фань Цин просто немного отвлекся и погрузился в собственные мысли, никак не ожидая, что невольно окажется в своем личном домене. Его личный домен пробудился совсем недавно, поэтому в управлении им неизбежно ощущалась некоторая неуклюжесть.

Вспомнив только что произошедшее, Фань Цин с некоторым опозданием почувствовал, как к лицу приливает жар. Прошло пару минут, прежде чем он медленно прикоснулся пальцами к уголкам глаз, слегка влажным. Он заложил в книгу закладку, а затем тихо поднялся, собираясь умыться в уборной.

Когда он вышел из своего угла, вокруг стало заметно больше людей. И хотя все были поглощены собственными делами, сам Фань Цин выглядел еще более замкнутым, чем прежде. Шагая, он опустил голову так низко, как только мог, и выглядел донельзя напряженным и встревоженным — казалось, он мечтал, чтобы его руки и ноги просто исчезли.

Лишь оказавшись внутри уборной, он почувствовал себя немного лучше. В зеркале, по мере того как Фань Цин отводил волосы назад, дюйм за дюймом открывалась его спрятанная красота, а вместе с ней — покрасневшие глаза и остатки бывшего смущения.

Он впервые видел себя таким: это казалось одновременно удивительным и необъяснимо неловким. Стоило ему вновь вспомнить того зрелого мужчину, чье каждое движение излучало спокойную и элегантную ауру, как дыхание Фань Цина сбилось, а в глазах выступило еще больше влаги. Он торопливо наклонился, зачерпнул полные ладони холодной воды и плеснул себе на лицо.

Поздняя осень выдалась холодной, и от ледяной воды его тело прошибла дрожь, но румянец на щеках наконец спал. Фань Цин тщательно вытер лицо бумажной салфеткой, позволив длинным волосам снова закрыть его лицо, и, услышав, как кто-то заходит, словно испугавшись, с опозданием опустил голову.

Не поднимая глаз, он вышел из уборной, проходя мимо остальных с максимально возможной скоростью, и лишь вернувшись в свой угол и перестав ощущать на себе чьи-либо взгляды, медленно разжал до боли сжатые пальцы.

Он боялся контактов с людьми. Даже мимолетный, случайный взгляд заставлял его нервничать, паниковать и терять самообладание. Лишь находясь в личном домене, он чувствовал себя нормальным человеком. Нормальным человеком, который мог выражать эмоции, не двигаться заторможенно и не терять дар речи от чужого внимания.

Покинув личный домен, Хао Су еще раз просмотрел сопутствующие материалы по родному миру, но не нашел в них никаких полезных зацепок. Не прошло и мгновение, как прежде пустой пейзаж снова изменился. Снова появились голубое небо и белые облака, под ногами зашуршал деревянный пол — он оказался внутри здания. Фань Цин снова погрузился в свой Личный домен. Хао Су шаг за шагом поднялся по лестнице, и его кожаные туфли издавали на ступенях четкие звуки. Добравшись до единственной двери с табличкой, он ещё не успел поднять руку, чтобы постучать, как она сама собой отворилась. Юноша выглядел точно так же, как только что, но в его облике неуловимо что-то изменилось — на лице проступило едва заметное выражение плотского желания. Всё в Личном домене фальшиво, реально лишь его хозяин, и они оба находились здесь взаправду.

— Хао Су, ты пришёл, — поприветствовал он его привычным тоном, в следующий же миг перехватил за руку и увлёк вглубь комнаты.

Комната была обставлена на редкость романтично: со всех сторон её окружали живые цветы, изголовье кровати украшала гирлянда розовых праздничных огней, а в воздухе витал лёгкий аромат благовоний. Стоило Хао Су переступить порог, как белый дневной свет за окном незаметно сменился ночной темнотой.

— Который сейчас час? — спросил Хао Су.

— Девять вечера, — ответил Фань Цин.

Ты до сих пор не сказал мне, как тебя зовут.

Он не знал имени этого человека, но всё же позволял ему вести себя за руку и шёл с ним в столь двусмысленную комнату. Наверное, даже если бы сейчас Хао Су сказал Фань Цину, что он вовсе не плод его воображения, тот бы ни за что не поверил.

— Я хочу назвать твоё имя.

Немного подавшись вперёд, он склонился к самому уху Фань Цина, и от его голоса, сладкого и манящего сильнее цветочного нектара, по спине пробежали мурашки.

— М?

Жаркое дыхание у самого уха казалось до боли реальным. Фань Цин сжал руку Хао Су ещё крепче, вытянувшись в струнку, и волна сладкой дремоты расходилась от того крошечного участка кожи всё дальше. Всё, что делал Хао Су, Фань Цин истолковывал как игру собственного воображения: чем сильнее тот сближался с ним, тем острее становился стыд юноши за то, что он посмел создать фальшивый образ и позволить ему вести себя подобным образом. С одной стороны, Фань Цин чувствовал себя ничтожным и распутным, с другой — околдованный этим ощущением, он всё же назвал своё имя:

— Меня зовут Фань Цин.

— Тогда, можно называть тебя Цинцин? Цинцин.

Хао Су вовсе не собирался давать Фань Цину шанс на отказ — его вопрос завершился повторением этого имени, прозвучавшим в туманной полудрёме удивительно нежно и неотступно. Этот удар оказался куда сильнее предыдущего, и запрокинутое лицо Фань Цина выдавало всю его незащищённость.

Заметив отчётливое желание, затаившееся в его глазах, Хао Су послушно заключил его в объятия. Его руки сжались так крепко и тяжело, будто он пытался вплавить юношу в собственное тело. Соприкосновение тел рождало тесное сдавливание и невыразимое, пьянящее наслаждение.

— Ах... — по комнате разнёсся стон отречения.

Фань Цин всё ещё чувствовал неутолимую жажду, в уголках его глаз блестели слёзы:

— Хао Су, поцелуй меня.

Впервые он воспользовался Личным домом для подобного — чтобы ублажить и утешить самого себя. Чувство морального долга заставляло его стогать от стыда, но в то же время он не мог остановиться и снова и снова погружался в эту пучину.

— Разве Цинцин выдумал меня лишь для того, чтобы мы просто поцеловались?

Хао Су словно в самом деле сошёл со страниц его разума — он понимал его слишком хорошо, разве же простого поцелуя могло быть достаточно? И вот юношу толкнули на единственную в комнате кровать, и от толчка при падении они одновременно задвигались вверх и вниз. Движение было лёгким, напоминающим естественное покачивание на водной глади. Всё происходило гораздо стремительнее, чем он воображал, но в то же время точно так, как в самых потаённых фантазиях.

Хао Су смотрел на него сверху вниз, и выражение его лица, столь непохожее на то, каким оно было в реальности, заставляло глаза Фань Цина сиять ослепительными, невыносимо яркими красками. Он был возбужден и взволнован, жаждая новых нарушений привычных устоев. Его чувства обнажились с пугающей прямоотой, многократно усиленные внезапным потрясением. Хао Су видел безумное обожание, с которым Фань Цин смотрел на него, видел каждое его едва уловимое движение: сжатые в нитку уголки губ, дрожащие ресницы и покрасневшие до боли щёки.

Запах роз в комнате стал ещё гуще, пропитав собой даже их тела. Каждый поцелуй казался на вкус необычайно сладким. Сдерживая пальцы Фань Цина, которые так и норовили сжаться в кулаки, Хао Су с предельной нежностью дарил ему желанные поцелуи. Он касался только его губ, не позволяя себе ни единого поцелуя в другом месте, и даже руки Фань Цина оставались неподвижными. Тот мог лишь покорно принимать ласку, полностью лишенный собственной воли.

Однако тело начало выходить из-под контроля, дыхание стало тяжёлым и прерывистым. От простого переплетения пальцев Хао Су перешёл к тому, что крепко сжал запястья юноши, оставляя на них красные следы. Как бы отчаянно тот ни сопротивлялся, вырваться было невозможно, как невозможно было и найти избавление, лишь всё сильнее загоняя себя в тупик.

— Мх-м... — рыдания звучали жалко и надломленно, Фань Цин молил о пощаде.

Неведомое доселе открывало перед ним свои двери, но упорно не желало показывать истинное

лицо, а это дразнящее ощущение на грани заставляло его отбросить последние остатки гордости.

— Чего ты хочешь?

Человек, которого он породил в своём воображении, оказался невероятно жестоким: прекрасно зная его желания, он заставлял его произнести их вслух, а затем умолять об этом. Но от этого Хао Су Фань Цин возбуждался ещё сильнее, уровень его возбуждения стремительно рос, и в глубине души он жаждал, чтобы тот был с ним ещё жёстче.

— Тебя.

— И что же мне с тобой сделать?

Хао Су, не спеша очерчивая круги пальцами вокруг его запястий, слегка укусил косточку на руке. Выглядавший столь чинно и отстраненно, словно мирские желания были ему абсолютно чужды, сейчас он навалился на Фань Цина так, что тот не мог даже сомкнуть ноги. Он целовал его, дразнил и искушал.

В тот момент, когда Хао Су прикусил его запястье, Фань Цин всем телом подался вверх, окончательно теряя способность сдерживаться.

— Помоги мне, помоги.

— Так вот зачем Цинцин меня придумал?

Издевательский смешок, лёгкое, уверенное движение пальцев — и он полностью завладел им.

— Бесстыдник.

Ругая его, он тут же принимался ему помогать.

Фань Цин уже не мог произнести ни слова, дрожа всем телом судорожно цеплялся за одежду Хао Су. Строгий деловой костюм постепенно покрывался складками от плеч до локтей и низа подола — по ним можно было безошибочно проследить траекторию бушевавшей здесь страсти. Чем больше Хао Су дразнил его бранными словечками, тем сильнее текли слёзы из глаз Фань Цина.

Здесь, кроме самого Хао Су, всё подчинялось исключительно его воле, но даже вытянув ноги до предела, он не смог изменить здесь ни единой мелочи, вынужденный лишь покорно подстраиваться под движения Хао Су.

— Оказывается, Цинцину нравится, когда я говорю такое.

Стоило Фань Цину изогнуться в новом порыве, как Хао Су внезапно замер. Приложив ладони к его подбородку, он слегка приподнял лицо юноши, и влажный блеск на его кончиках пальцев отпечатался на уголках губ Фань Цина. В его голосе послышался лёгкий вздох:

— Какая же ты извращенка... эх, какой же ты извращенец.

Одна эта фраза и то, как палец скользнул ему в рот, окончательно лишили Фань Цина рассудка.

Хао Су же казался слеп к происходящему вокруг, он даже не прерывал разговор:

— Цинцину нравится его собственный вкус?

Аккуратно заправленная простыня теперь была комками сбита в кучу руками, вцепившимися в неё снизу, а тело юноши накренилось набок почти наполовину. Фань Цин широко открыл рот; цветочный аромат перебивал источаемый ими запах, но не мог скрыть костюм Хао Су, безнадежно испорченный следами их близости. Он продолжал тихо плакать, но от этого атмосфера становилась лишь томительнее и гуще.

— Похоже, очень нравится.

Вновь заняв то, от чего недавно отказался, Хао Су на этот раз довёл дело до конца, не прерываясь на половине пути. Наслаждение, даруемое Хао Су, всегда превосходило всё, чего тот мог добиться сам; бескрайнее, необозримое чувство потопа захлестнуло Фань Цина так, что он напрочь забыл, как дышать. Лицо его покраснело от нехватки воздуха, глаза тоже налились кровью, голос сорвался на крик, и он нёс какую-то бессмыслицу.

Пиджак уже не годился для того, чтобы показываться в нём людям, а руки были перепачканы насквозь. Бросив на это равнодушный взгляд, Хао Су снова перехватил запястья Фань Цина. Сначала он заставил руки юноши поправить ему очки, а затем, используя их вместо платка, неторопливо вытер о его ладони всё, что принадлежало Фань Цину. Пройдись по каждому пальцу, очищая кожу до прежней чистоты.

Наконец он отпустил его руки. Ладони упали на белое постельное бельё, обращенные вверх. Возникало стойкое ощущение, будто всё это время старался исключительно один Фань Цин, тогда как сам он оставался лишь отстраненным наблюдателем.

Хао Су даже сорвал одну из роз. Держа её за стебель, он перевернул цветок и целиком протолкнул бутон в рот Фань Цину. Роза была свежей и пышной, лепестки её широко раскрылись, а значит, ей требовалось больше места. Он не позволил шипам поранить юношу, но погрузил цветок еще глубже. Выждав, пока тот немного привыкнет, он слегка подал розу назад. И так повторялось вновь и вновь, пока, наконец, Фань Цин не пришел в себя: стебель розы выглядел измятым и жалким, а лепестки были сплошь покрыты его слюной.

Всё вроде бы закончилось, но стоило Фань Цину взглянуть на цветок в руке Хао Су, как его вновь пробила дрожь. Его жажда зашла далеко за пределы ожидания, и он больше не был способен вынести хоть что-то еще.

Его глаза резко закрылись, Личный домен начал возвращаться из туманного марева к прежнему виду, и Фань Цин снова исчез.

Разница была лишь в том, что на этот раз в Личном домене осталось абсолютно всё — кроме той розы, что зажимал в руке Хао Су.

Хао Су сидел на коленях посреди кровати, пальцами растирая влажное пятно на простыне, после чего медленно выпрямился. Личный домен меняется исключительно по воле хозяина: либо Фань Цин пожелал, чтобы он остался здесь навечно в нынешнем состоянии, либо его хозяин всё ещё здесь. Первое было исключено, иначе юноша бы не исчез. Что же до второго — Хао Су отчётливо чувствовал, что Фань Цина поблизости нет.

Мысль Хао Су слегка переменилась, и простыня вместе с одеждой на его теле снова стали чистыми, а беспорядок в комнате вновь сменился идеальным порядком. Вовсе не было такого, что прежний владелец тела не пробудил свою особую способность — просто он совершенно не

умел ею пользоваться, поэтому до сих пор ничего не замечал. Его пробужденным даром оказалось умение полностью подчинять себе правила чужого Личного домена, стоило лишь оказаться внутри, в точности уподобляясь его хозяину. Пространство поддерживалось в первозданном виде вовсе не благодаря Фань Цину, а силами самого Хао Су. Иначе как объяснить, что течение времени в Личном домене совпадает с реальностью? Почему Фань Цин вышел всего на мгновение, а когда вернулся, наступил уже вечер? Всё потому, что Хао Су изменил скорость времени внутри Личного домена, заставив его течь быстрее. Заглядывая дальше, он понял: если он и застрял в Личном домене Фань Цина, то дело не только в перемещении, устроенном системой, — судя по всему, в тот самый момент прежний владелец тела как раз пробудил эту способность и инстинктивно попытался захватить ближайший Личный домен. Без помощи системы ему бы ни за что не удалось проникнуть внутрь. Хао Су уже знал, как отсюда выбраться; вместе с пробуждением и освоением способности, даже без постороннего обучения, начинаешь понимать всё больше деталей, и какое-то смутное предчувствие подсказало ему, что он перенесся в прошлое Фань Цина.

Пока Хао Су оставлял точку координат в Личном домене Фань Цина, тот, в панике сбежавший оттуда, сжался на кровати. Лицо его покраснелось, веки отчаянного плача казались опухшими, а из груди неслись непрерывные всхлипывания. К счастью, из-за панического страха перед любыми контактами с людьми он еще с первого курса снимал жилье отдельно, и рядом никого не было. И всё же он не смел расслабиться ни на секунду, вцепившись в одеяло мертвой хваткой, словно натянутая до предела струна. Струна может лопнуть, стоит лишь ослабить натяжение... Фань Цин уже отпраздновал девятнадцатилетие — в таком возрасте парни по природе своей полны гормонов. Ему стоило лишь перед сном подумать о Хао Су, как в нем всколыхнулось непреодолимое желание. Однако вместо того, чтобы удовлетворять себя самостоятельно, куда заманчивее казалось заставить Хао Су довести его до исступления. Пусть все они — лишь порождения его собственного воображения, Фань Цин до ужаса боялся живых людей в реальной жизни, но совершенно не испытывал страха перед теми, кто обитал в Личном домене. Странно, но когда он оставался лицом к лицу с Хао Су, то прекрасно понимал, что перед ним фальшивка, и всё же раз за разом не мог сдержать смущения. В горле до сих пор чудился едва уловимый сладковатый аромат роз: то, как Хао Су запихивал ему в рот лепестки, выглядело одновременно нежным и порочным.

Фань Цин сжался еще сильнее. Когда он только вырвался наружу, ему казалось, что он уже в безопасности, но стоило лишь слегка помыслить о том человеке, как буря внутри возобновилась с новой силой. Стоило ему хоть на миг потерять контроль, и всё прорвалось, подобно хлынувшей из сорванной плотины воде. Края одежды задралась еще тогда, когда он выбирался обратно, и теперь, лежа на боку, Фань Цин обнажил огромный участок молочно-белой кожи. В ярком свете лампы на ней отчетливо виднелись багровые следы — их оставила слишком грубая хватка Хао Су. Впрочем, с точки зрения самого Фань Цина, это он сам так отчаянно жаждал ласки, что вынудил другого оставить на своем теле эти отметины. Одеяло он прижимал к груди совсем не так аккуратно, как обычно, поэтому многие места оставались незащищенными. Под тусклой тенью отчетливо угадывался небрежно расстегнутый пояс брюк. Слегка переведя дыхание, Фань Цин уткнулся лицом в подушку. И пока он погружался в сон, некто в Личном домене бесследно растворился в воздухе, возвращаясь в надлежащую временную точку.

Цифры на табло лифта сменились с двадцати на девятнадцать, затем перепрыгнули на восемнадцать, на мгновение замерли и снова плавно поехали вниз. Хао Су уже какое-то время бодрствовал: он открыл глаза, когда на счетчике лифта высветилось тридцать, и сразу оценил

текущую обстановку. Прежний владелец тела как раз переезжал — здесь находилось его новое жилье, причем крупную мебель перевезли еще несколько дней назад, а сегодня доставляли всё остальное. Он только что проводил коллег, которые приходили на помощь, и теперь ждал лифта на первом этаже. День выдался выходным, желающих подняться наверх собралось немало — если прикинуть на глаз, набилось не меньше дюжины человек. Один из парней сильно выделялся из толпы — по крайней мере, в глазах Хао Су. На нем была серая куртка, лицо скрывала защитная маска. Он держался особняком от всех, стоя в совершенно незаметном уголке, низко опустив голову так, что волосы полностью закрывали брови и глаза. Впрочем, даже по той бледной полоске кожи, что случайно открывалась взору, было видно, до чего же он белокож. Казалось, он обладал болезненной чувствительностью к чужим взглядам: стоило Хао Су бросить на него мимолетный взгляд, как парень тут же смущенно отвернулся, источая изнутри растерянность и тревогу. Дерзкий и страстный внутри Личного домена, готовый сболтнуть любую глупость, когда его донимали до предела, в реальной жизни он стремился стать донельзя незаметным, не смея ни с кем встретиться взглядом или поздороваться, а в людных местах цепенел от страха и напряжения. Социофоб.

Хао Су больше не стал глазеть на него, но уголки его губ приоткрылись в легкой улыбке, пока взгляд был опущен долу. Цель по-прежнему оставалась донельзя... интересной. Тут же в памяти всплыла вся информация о человеке, за которым предстояло вести наблюдение. Фань Цин, двадцать один год, студент третьего курса университета; сам же он значился двадцативосьмилетним мужчиной. Ощущение не обмануло его: он действительно отправился в прошлое своего подопечного. Личный домен при применении погружает в себя и самого хозяина, поэтому обычно его не разворачивают на виду. Иначе человек внезапно исчезнет — разве это не пугает? Однако для такого незаметного человека, как Фань Цин, даже если он пропадет на мгновение, никто этого не заметит. То, что Хао Су, едва придя сюда, оказался втянут в прошлый личный домен Фань Цина, судя по всему, произошло из-за того, что Фань Цин, ожидая лифт, случайно на мгновение отвлекся. Такие ситуации случаются довольно часто: независимо от того, плохо ли хозяин владеет пробужденной способностью или, наоборот, искусен в ней, неизбежно возникают те или иные проблемы. Если навык освоен слабо, можно применить его, даже не осознавая этого; если же мастерство слишком велико, результат будет точно таким же. Разница лишь в том, что в первом случае человек в панике пытается всё выключить, а во втором — как только вовремя замечает происходящее, может быстро всё свернуть. Судя по виду Фань Цина и спокойным лицам окружающих, он довольно быстро отменил свой Личный домен.

Дзынь! Лифт прибыл на первый сеанс, и из него вышло немало людей. Когда внутри освободилось место, стоявшие снаружи тоже один за другим вошли внутрь. Хао Су заметил, что Фань Цин, едва поднявшись, сразу же забился в самый угол. За исключением коротких взглядов на индикатор этажа, всё остальное время его голова была непременно опущена. Он старался держаться на расстоянии от окружающих, а когда избежать случайных соприкосновений не удавалось, то съеживался всё сильнее и сильнее, словно черепаха.

Сам он жил на девятнадцатом этаже, а Хао Су — на двадцатом. По мере подъема лифта внутри оставались только они двое и молодая пара. Стоило Фань ЦИНу хоть чуть-чуть поднять голову, и он бы заметил, что человек из его фантазий двухлетней давности находится прямо перед ним. Однако он так и не поднял глаз и поспешил выйти, как только кабина достигла нужного этажа.

Двери лифта отрезали возможность продолжать смотреть вслед, но Хао Су не стал торопиться выходить вместе с Фань Цин. Когда лифт доехал до двадцатого этажа, он вышел вместе с той молодой парой. Квартира Хао Су находилась чуть дальше, и молодые люди заговорили, едва отворив свою дверь:

— Тот парень, кажется, переехал сюда совсем недавно? Такой красавчик.

— Наверное, он живет прямо напротив нас...

Парень понимал, что похвала его девушки была чистым восхищением: если судить непредвзято, Хао Су действительно выглядел очень привлекательно. Он не стал устраивать подруге бессмысленных сцен ревности, хотя небольшая доля баловства и шутливых ласк была неизбежна.

Хао Су отпер дверь своей квартиры и снял пиджак. На груди рубашки выделялось заметное мокрое пятно — его оставил Фань Цин, когда лизнул его. В такой момент он всё же смог вспомнить о нем, напоминая неуклюжего щенка, который только учится ходить и везде спотыкается.

В знак взаимности Хао Су тоже отблагодарил его сполна, хотя его приемы оказались куда искуснее собачьих ухищрений. В ушах до сих пор словно звучал полный отчаяния голос парня, в котором, однако, сквозило странное, необъяснимое наслаждение. Хао Су вовсе не хотел, чтобы Фань Цин, как и в прошлом мире, снова упал в обморок прямо на месте, поэтому воздействие оказалось крайне ограниченным. Пиджак полетел на стул, вслед за ним отправилась и рубашка. Тело взрослого мужчины излучало мощный заряд мужской привлекательности. Хао Су направился в ванную, принял душ и переоделся в повседневную одежду.

— Хозяин, почему ты только что не пошел за ним? — с точки зрения системы, это был прекрасный шанс для Хао Су завязать разговор с Фань Цин, ведь в прошлом их связывали столь близкие отношения.

— Разве ты никогда не слышало выражения спугнуть змею, стуча по траве? — судя по его наблюдениям, поведение Фань Цина за пределами Личного домена и внутри него разительно отличалось. В реальности его реакции всё еще оставались заторможенными, а на лице вряд ли могли отразиться хоть какие-то лишние эмоции. К тому же, их главной проблемой был характер Фань Цина. Социофобию не так-то просто преодолеть, особенно если она доведена до столь тяжелой степени, как у него. Если бы Хао Су самовольно последовал за ним, то наверняка напугал бы парня до такой степени, что тот больше носу не казал бы из дома.

— Тогда как же ты намерен выполнять задание?

— Пусть он сам придет ко мне.

Хао Су не собирался разыскивать Фань Цина, но тот непременно придет сам. Их судьбы пересеклись в прошлой временной точке, и еще до возвращения в настоящее Хао Су оставил в Личном домене метку-координату. Стоит Фань Цин вновь вспомнить о нем, как он тут же появится рядом.

— Но с чего ты взял, что Фань Цин обязательно придет?

— Разумеется, придет.

Его голос звучал мягко, словно весенний ветерок. С легкой улыбкой на губах Хао Су налил себе стакан воды. Для Фань Цина тот поцелуй остался в прошлом несколько лет назад, но для Хао Су всё произошло лишь мгновение назад. Еще когда Фань Цин во второй раз вошел в Личный домен, Хао Су точно определил роль, которую тот отвел ему в своих фантазиях.

Он был объектом его грёз. Точнее говоря... объектом его сексуальных фантазий.

<http://bllate.org/book/21608/2228641>